

*Игорь Кузнецов (Менск),
кандидат исторических наук,
доцент кафедры дипломатической и консульской службы
факультета международных отношений БГУ*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ НА БЕЛАРУСИ В 1917-1952 ГОДАХ

Проблема периодизации истории политических репрессий не решена до сегодняшнего дня. Автор предлагает вариант периодизации истории политических репрессий на Беларуси с 1917 по 2000 годы.

Условно можно определить следующие периоды политических репрессий:

I	1917–1926 г.	V	1941–1944 г.
II	1930–1936 г.	VI	1944–1953 г.
III	1937–1938 г.	VII	1964–1985 г.
IV	1939–1941 г.	VIII	1995–2000 г.

Более подробно дадим характеристику ряда особенностей рассматриваемых периодов истории политических репрессий.

В 1917 г. функция подавления у Советского государства была основной, а в условиях гражданской войны, безусловно, ведущей. Это диктовалось не только сопротивлением свергнутых классов, но и необходимостью "стимула" к труду в условиях "военного коммунизма".

С первых дней диктатуры пролетариата уголовное законодательство отличалось исключительной жестокостью мер наказания, в том числе и за малозначительные правонарушения. Следует при этом отметить, что в начальный период после Октябрьского переворота, когда еще не было создано уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, суды руководствовались декретами, подписанными в большинстве случаев В.И. Лениным. Так, до первой кодификации уголовного законодательства было принято более 400 декретов и других актов, которые содержали уголовно-правовые нормы.

В 1918 г. задолго до принятия уголовно-правового законодательства В.И. Ленин запретил судам использовать старые законы и предписал руководствоваться декретами Советского правительства. В Положении о народном суде РСФСР говорилось, что суд "в случае отсутствия соответствующего декрета или неполноты такового, руководствуется социалистическим правосознанием"¹

Особенно усилились репрессивные акты после образования Всероссийской Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности. В постановлении СНК РСФСР от 5 сентября 1918 г. указывалось, что "подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям и мятежам". Постановлением Реввоенсовета Республики от

¹ Сборник законов РСФСР. 1919. № 4. С. 25.

4 февраля 1919 г. было установлено, что решения Революционного Военного трибунала подлежат обжалованию или кассации и приводятся в исполнение в 24 часа².

В первые годы Советской власти создаются объекты будущего ГУЛАГа. В декрете СНК от 14 марта 1919 г. "О рабочих дисциплинарных судах" для нарушителей трудовой дисциплины и лиц, не выполнявших норм выработки, предусматривалось наказание до 6 месяцев заключения в лагере принудительных работ. Это было следствие политики красного террора, предельно ясно отражавшей представления руководителей партии и государства о средствах и методах достижения поставленных ими целей. Идея создания "школы труда" для арестованных была доуточнена в постановлении ВЦИК от 11 апреля 1919 г. "О лагерях принудительных работ". Впервые законодательно закреплялось существование концлагерей, и в соответствии с этим Губернские Чрезвычайные комиссии в трехмесячный срок организовали такие лагеря во всех губернских городах³.

1 июня 1922 г. был принят Уголовный Кодекс Российской Федерации. Этим Кодексом и его редакцией 1926 г. пользовались в Беларуси до 1928 г. Широко и печально известна статья 58 этого Кодекса – "Контрреволюционные преступления". Она имела 14 пунктов, по 13 из них предусматривалась высшая мера наказания – расстрел.

Наиболее часто в 30-е г. обвинения предъявлялись именно по статье 58: пункту 1 (измена Родине), п. 6 (шпионаж), п. 7 (подрыв государственной промышленности, транспорта, кооперации), п. 8 (совершение террористических актов), п. 10 (контрреволюционная /антисоветская/ пропаганда и агитация), п. 11 (участие в контрреволюционной организации).

До половины всех обвиняемых в 30-е г. были осуждены по ст. 58-10, которая предусматривала уголовную ответственность вплоть до применения высшей меры наказания в случаях: клеветнических высказываний в адрес руководителей партии и правительства; дискредитации внешней политики СССР; ведения религиозной пропаганды; высказывание пораженческих настроений; попыток дискредитации РККА; высказываний об экономическом положении трудящихся в СССР и восхвалении капитализма; контрреволюционных выпадов по отношению к коммунистам; систематического отказа от работы в лагерях НКВД и других.

Уголовный кодекс Белорусской ССР был утвержден на 3 сессии Верховного Совета VIII созыва 23 сентября 1928 г. В соответствии с этим кодексом уголовные преступления разделялись на две категории: направленные против советского строя и все остальные. За преступления первой категории устанавливался только низкий (минимальный) предел, ниже которого суд не мог назначить наказание или, как в кодексе говорилось, "меру социальной защиты". За преступления второй категории был установлен только высший предел. По кодексу 1928 г. лишение

² Сборник узаконений РСФСР. 1919. № 4. С. 32.

³ Сборник законодательных актов и документов. Москва, 1989. С. 22.

свободы не могло превышать 10 лет, однако в последующие годы срок лишения свободы был доведен до 25 лет.

Обращает внимание очень широкий состав уголовных преступлений, за которые суды могли назначить высшую меру наказания. Так, в главе 1 "Контрреволюционные преступления" из 17 составов уголовных преступлений 14 предусматривали высшую меру наказания социальной защиты. По многим составам уголовных преступлений, в том числе и не представляющим большой общественной опасности (отказ от внесения налогов, убий скота и др.) была предусмотрена конфискация всего имущества.

Почти все составы контрреволюционных преступлений предусматривали такие меры социальной защиты, как: объявление врагом трудящихся с лишением гражданства БССР или иной союзной республики и тем самым гражданства СССР; полное или частичное лишение прав; удаление из Союза ССР на определенный срок; запрещение проживать в тех или иных местностях.

Важно отметить, что при лишении подсудимого прав, последний лишался не только политических прав, но и элементарных условий своего материального существования, так как, например, при полном лишении прав человеку не только запрещалось занимать те или иные должности, он лишался права на пенсию, на пособие по безработице, лишался и родительских прав.

Изучение архивно-следственных дел на необоснованно репрессированных показывает, что наиболее распространенным было незаконное обвинение людей в измене Родине (ст. 63), т.е. действиях, совершенных гражданином СССР в ущерб военной мощи Союза ССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, как-то: шпионаж, бегство или перелет за границу. Суровое наказание ожидало и родственников виновного. Если совершеннолетние родственники знали о намерении бежать, но не доложили или способствовали готовящейся или совершенной измене, они карались лишением свободы от 5 до 10 лет с конфискацией имущества. Другие совершеннолетние члены семьи изменника, совместно с ним проживающие, подлежали лишению избирательных прав и ссылке в отдаленные районы Сибири на пять лет. Так, в самом законе была заложена возможность репрессий в отношении лиц, не совершавших никаких преступлений.

Вначале необоснованные репрессии не носили массового характера. С каждым годом, однако, они усиливались. Суды уже не справлялись с нарастающим количеством дел. Все больше их стало рассматриваться в упрощенном порядке несудебными органами – "двойками", "тройками", особыми совещаниями. По существу, эти органы никому не были поднадзорны и действовали по собственному усмотрению, творя произвол и беззаконие. Прокурорский надзор отсутствовал. Отстраненные от этой работы прокуроры нередко сами подвергались репрессиям.

Возникновение репрессивной системы на рубеже 20 – 30-х г. было не случайным, а закономерным явлением. Когда в конце 20-х – начале 30-х г. встал вопрос об источниках осуществления ускоренной индустриализации страны и о

методах коллективизации крестьянства, у сталинского руководства был уже готов ответ – орудием проведения индустриализации и коллективизации станет развитой репрессивный аппарат: исправительно-трудовые лагеря ГУЛАГ и НКВД СССР. Отныне все осужденные ранее на срок 3 года и выше переводились из мест заключения именно туда. Кроме того, туда направлялись все приговоренные судами к названным срокам.

К 1930 г. было сформировано 6 управлений исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) ОГПУ СССР: Северного Кавказа, района Белого моря и Карелии, Вышнего Волочка, Сибири, Дальнего Востока и Казахстана. Лагеря и трудовые колонии начинали играть все более заметную роль в экономике страны. Труд заключенных стал применяться в реализации крупномасштабных хозяйственно-экономических проектов, а хозяйственные органы планировали свою деятельность с учетом возможности использования заключенных. Круг замкнулся в 1934 г., когда с созданием общесоюзного НКВД все советские лагеря были объединены в единую систему Главного управления лагерей (ГУЛАГ)⁴.

В 30-е г. четкое функционирование репрессивной системы обеспечивали карательные органы. С созданием Союза ССР руководство органами безопасности было отнесено к компетенции СССР, и в 1923 г. создается единый общесоюзный орган – Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при СНК СССР. Система органов состояла из ОГПУ СССР, ГПУ союзных республик, политотделов при исполкомах Советов и особых отделов в Красной Армии и на транспорте.

В декабре 1930 г. НКВД союзных республик упраздняются, а их функции стали выполнять созданные при СНК республик управления милиции и угрозыска. В СССР по-прежнему действовало ОГПУ СССР, да еще для руководства органами милиции союзных республик и для взведения в СССР паспортной системы в 1932 г. было образовано Главное управление рабоче-крестьянской милиции при ОГПУ СССР.

В этом же году проводятся и другие реорганизации. Образуется НКВД СССР. Вместо ОГПУ в системе НКВД СССР создается Главное управление государственной безопасности (ГУГБ). В НКВД кроме репрессивной функции были сосредоточены функции охраны границ, управления шоссейными и грунтовыми дорогами, руководство геосъемкой и картографией, лесной и пожарной охраной. В его ведении находились вопросы переселенцев, ЗАГС и др. Органы НКВД осуществляли тотальный контроль за всеми сферами жизни советского общества.

В целях проведения массовых репрессивных акций в конце 20-х – начале 30-х г. в СССР была создана хорошо отлаженная и материально обеспеченная система судебных и несудебных органов.

Система судебных органов была представлена Военной коллегией Верховного суда СССР, Верховным судом БССР, областными судами, судом Белорусской

⁴ Государственный Архив РФ (далее – ГАРФ). Ф.1072, оп.1, д.397. С. 122.

железнодорожной, военными трибуналами Белорусского военного округа и различных войсковых формирований, в том числе НКВД.

Наряду с судебными органами существовала целая система несудебных органов. Эта система в СССР и БССР начала формироваться еще в 1923 г. 15 февраля 1923 г. постановлением ЦИК СССР была учреждена судебная коллегия ОГПУ. Она имела право рассматривать во внесудебном порядке дела о диверсиях, вредительстве и других преступлениях, а также применять все меры наказания.

По постановлению ЦИК и СНК СССР от 5 ноября 1934 г. при Народном комиссариате внутренних дел было образовано Особое совещание. Этому органу первоначально было предоставлено право применять "к лицам, признаваемым общественно-опасными" ссылку, высылку и заключение в лагерь сроком на 5 лет, затем его права были значительно расширены вплоть до применения высшей меры наказания. В состав Особого совещания входили: народный комиссар внутренних дел, заместитель народного комиссара внутренних дел, начальник Главного управления милиции. Одновременно в 1934 г. был создан еще один несудебный орган – "двойка"⁵.

Среди карательных органов особо зловещую роль в развертывании массовых репрессий сыграли Особое совещание и "тройки" ОГПУ-НКВД. Циркулярами ОГПУ от 29 октября 1929 г. и 8 апреля 1931 г. в центральном аппарате НКВД были образованы "тройки" для предварительного рассмотрения законченных следственных дел и последующего их доклада на судебных заседаниях коллегии или Особого совещания. В их состав входили руководители оперативных управлений – отделов ОГПУ и полномочного представительства (ПП) ОГПУ⁶.

Циркуляром 1931 г. предусматривалось обязательное участие в заседаниях "троек" представителя прокуратуры ОГПУ. Постановлением Президиума ЦИК СССР от 3 февраля 1930 г. ОГПУ было предоставлено право на время проведения кампании по "ликвидации кулачества" передоверять свои полномочия по внесудебному рассмотрению дел ПП ОГПУ в республиках, краях и областях с тем, чтобы внесудебное рассмотрение дел проводилось с участием представителей облисполкомов и прокуратуры.

В 1929 г. острейшей репрессивной машины было направлено в основном против крестьянства, которое составляло основную массу населения страны, в том числе и Беларуси. К политическим репрессиям с полным основанием можно отнести массовое и трагическое по своим последствиям раскулачивание. С конца 1929 г. до середины 1930 г. в СССР было "раскулачено" свыше 320 тыс. семей (не менее 2 млн. человек), конфисковано имущества стоимостью свыше 400 млн. рублей. По оценочным данным в Беларуси в 20–40-е гг. было "раскулачено" не менее 350 тыс. человек⁷.

Массовое выселение партийные и советские органы объясняли обычно обострением классовой борьбы в деревне, причем всю вину за него партийное

⁵ Кузнецов И.Н. Конвейер смерти. Минск, 1998. С. 32-33.

⁶ ГАРФ. Ф. 9492, оп.1, д. 1. С. 204.

руководство возлагало только на кулаков. Классовая борьба в деревне действительно стала обостряться уже в 1928 г., но это было связано прежде всего с применением чрезвычайных мер со стороны государственных органов, с массовыми акциями местных властей. Обострялась классовая борьба в результате перегибов, извращений в колхозном строительстве, которые были допущены в 1929 – 1930-е гг. и тем самым было порождено недовольство основной массы середняков.

Террор был обрушен на значительные массы зажиточных середняков, которые лишь эпизодически применяли наемный труд или не применяли его вовсе. К маю 1930 г. в республике было раскулачено 15 626 крестьянских хозяйств – около половины их общей численности. При этом, как вынуждены были признать сами организаторы раскулачивания на XIII съезде КП(б)Б, 2 395 из них или 15,3 % – необоснованно⁸.

Между тем, слово “кулак” на долгие годы стало синонимом слова “враг”. Оправданными по отношению к раскулаченным считались любые беззакония со стороны органов НКВД.

Форсирование коллективизации толкало к максимально жестоким методам насилия, что не могло не вызывать ответного сопротивления. Оно носило стихийный, неорганизованный характер и было, скорее, пассивной формой протеста. По крайней мере, об организованных массовых выступлениях на территории Беларуси до сих пор почти ничего не известно. Хотя некоторые случаи спонтанных выступлений известны в Копельском, Летельском и других районах республики. Все они были разгромлены с применением регулярных частей Красной Армии, а их участники были зачислены в разряд “врагов народа”.

В связи с резким увеличением количества осужденных, организация высылки и размещения прибывавшего из центра страны контингента спецпереселенцев была возложена на органы ОГПУ-НКВД. В связи с “ликвидацией кулачества как класса” в 1932 г. ОГПУ СССР разработало положение “Об управлении кулацкими поселками”, утвердило соответствующие инструкции.

Репрессивные акции продолжались и после завершения коллективизации. Сталин и его окружение считали, что таким образом можно избавиться от неугодных. 20 апреля 1933 г. СНК СССР принял постановление “Об организации трудовых поселений”. Главное управление лагерей ОГПУ взяло на себя обязанность организации трудовых поселений.

Кого же еще было выселять в 1933 г., куда, казалось, кулачество было ликвидировано? Предлагалось наказывать (за срыв и саботаж хлебозаготовок и других кампаний) городских жителей, отказавшихся в связи с паспортизацией 1932 - 1933 г. выезжать из Москвы, Минска и Ленинграда; бежавших из деревень, снятых с промышленного производства кулаков, а также высланных в 1933 г. в порядке “очистки” государственных границ, осужденных органами ОГПУ и судами на срок от 3 до 5 лет включительно⁹.

⁷ Адамшук У.І Палітычныя рэпрэсіі 20-50-х гадоў на Беларусі. Мінск, 1994. С. 12.

⁸ Палітычныя рэпрэсіі у XX стагодзі. Мінск, 1998. С.73.

Когда массовые репрессии против крестьянства превзошли все разрядки центра, 8 мая 1933 г. вышла инструкция "Всем партийно-советским работникам ОГПУ, суда и прокуратуры", подписанная Сталиным и Молотовым. В ней констатировалось, что беспорядочные массовые аресты в деревне в 1933 г. все еще продолжались. В ряде районов, в том числе и БССР, аресты производили председатели колхозов, председатели сельсоветов и секретари партийных ячеек.

"Не удивительно, что в этой вакханалии арестов, – отмечалось на Пленуме Верховного суда СССР 14 апреля 1933 г., – органы, действительно наделенные правами арестовывать, в том числе и органы ОГПУ и особенно милиции, теряют всякое чувство умеренности и часто совершают необоснованные аресты, действуя по правилу: "Сперва арестуй, а потом веди расследование"¹⁰.

1932 г. открыл новую печальную страницу репрессий в СССР. 7 августа 1932 г. ВЦИК и СНК СССР был принят закон "Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной социалистической собственности". Этот закон предусматривал только одну меру наказания – расстрел, и только в исключительных случаях, при смягчающих обстоятельствах, – лишение свободы на 10 лет. По данным Верховного суда СССР только судебными органами в период 1933 – 1939 г. было осуждено 78691 человек¹¹.

Если к этому добавить осужденных коллегией ОГПУ СССР и полномочными представительствами ОГПУ в республиках, краях и областях, то эта цифра превысит 540 тысяч человек¹².

Параллельно с репрессиями против крестьянства карательные органы в 1929 – 1933 гг. осуществляли акции, направленные против интеллигенции.

Беларусь тоже не была исключением в общем потоке репрессий. Конец 20-х – начало 30-х годов в республике "ознаменованы" делами о вредительстве "контрреволюционных и диверсионно-шпионских организаций" и их белорусских филиалов – "Промпартий", "Союзного бюро РСДРП(меньшевиков)" и др.

Новая разрушительная волна массовых репрессий обрушилась на ни в чем не повинных людей в 1937 – 1938 г. Провозгласив защиту социализма от его "врагов", сам Сталин действовал как злейший и коварный враг. Никакой белый террор, никакая война не могли бы нанести такой урон народу, который нанес он, защищая свою личную абсолютную власть.

Установка на массовый террор возникла в аппарате НКВД отнюдь не произвольно. Сигнал ему вновь был подан решениями февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) от 5 марта 1937 г.

Для эффективного проведения репрессивных акций необходимо было создать соответствующее "общественное мнение" широких народных масс. Ведь

⁹ Кузнецов И.Н. Конвейер смерти. С. 156-157.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 9492, оп.1, д. 1. С. 93.

¹¹ Реабилитация: Политические процессы 30-50-х годов. Москва, 1991. С. 51.

¹² Кузнецов И.Н. Конвейер смерти. С. 256.

масса должна верить (и в значительной степени верила) чудовищным обвинениям 1937 г. Сталин расширил понятие “враг народа”. “Этот термин фразу освобождал от необходимости всяких доказательств идейной неправоты человека или людей, с которыми ты ведешь полемику: он давал возможность всякого, кто в чем-то не согласен со Сталиным, кто был только заподозрен во враждебных намерениях, всякого, кто был просто оклеветан, подвергнуть самым жестоким репрессиям, с нарушением всяких норм революционной законности”¹³.

Правовая подготовка к невиданным по масштабам репрессиям началась в январе 1937 г. Народный комиссар юстиции Н.В.Крыленко и Прокурор СССР А.Я.Вышинский 8 января 1937 г. подписали циркуляр, который подтверждал, что все дела по контрреволюционным преступлениям должны рассматриваться без участия обвинения и защиты. В связи с проведением массовых “операций” в отношении бывших кулаков, членов “антисоветских” партий, белогвардейцев, жандармов и чиновников царской России, бандитов, реэмигрантов, участников “антисоветских” организаций, церковников и сектантов, в соответствии с приказом НКВД СССР от 30 июля 1937 г. был утвержден персональный состав областных «троек» в составе: председатель – начальник областного управления НКВД, члены: секретарь областного комитета КП(б)Б и областной прокурор¹⁴.

Особенно активизировалась деятельность НКВД БССР и областных “троек” с июля 1937 г., когда, согласно указанию “сверху”, на местах были составлены списки на весь “контрреволюционный” элемент. Вслед за этим в Беларуси и других регионах страны начались массовые операции по осуществлению арестов и фальсификации “контрреволюционных дел”. Смысл этих акций сводился к “созданию” так называемых “всесоюзных контрреволюционных организаций”: контрреволюционно-диверсионной, антисоветской повстанческо-террористической, эсеровской шпионской, контрреволюционной националистической фашистской, Польской организации войсковой и многих других.

Конвейер двигался исправно. Когда кончалось “сырье”, доставляли новые его партии. Будто гигантская мясорубка перемалывала жизни тысяч людей. “Врагов народа” создавали искусственно. А когда их число таяло, начинались так называемые “маскирующие” репрессии. Главным образом они пришлись на вторую половину 1937 и начало 1938 г. На местах арестовывались и там же расстреливались в первую очередь представители некоренной национальности и выходцы из других регионов. Так поддерживался миф о всеобщем распространении вражеской деятельности.

Областные и городские управления НКВД получали разнарядки на выявление заданного числа “врагов народа”. Разными путями, в том числе с использованием заблаговременно накопленных доносов секретных осведомителей и об-

¹³ Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 35 – 36.

¹⁴ История исправительно-трудовых учреждений Беларуси. Минск, 1999. С. 21-22.

шественных “помощников”, срочно полученных новых “признагельных” показаний ранее арестованных и т.п. составлялись списки уже конкретных людей под “разнарядку”. Затем они арестовывались.

Существовали специальные бланки отчетности. Все там расположено по графам: сколько, из каких слоев “изъять”, каких национальностей, отдельно военных, служителей культа и т.д. Дело доходило до того, что в общую численность обозначенных в разнарядке лиц, которых необходимо было арестовывать, сразу включалось уже число и тех, кто должен быть расстрелян. Перевыполнять “норму” разрешалось, но за недовыполнение следовало встречное наказание – вплоть до высшей меры “социальной защиты”. Поэтому широко бытовала практика, когда арестованных тут же в “подходящем” месте – в лесу, в овраге, на кладбище расстреливали, а потом, уже задним числом, оформляли дела с “признагельными” показаниями.

По трафарету в период 1937 – 1938 г. были сфабрикованы дела на десятки тысяч жителей республики и других регионов страны. Когда массовые репрессии приняли угрожающие масштабы, по личному указанию И.В. Сталина в конце 1938 г. руководство НКВД СССР и ряд начальников НКВД республик и областей были обвинены в массовых арестах и нарушении социалистической законности.

В те годы активно арестовывались родственники осужденных. В связи с этим народный комиссар юстиции СССР 16 января 1938 г. подписал приказ “О недопустимости увольнения с работы лиц по мотивам родственной связи с арестованными за контрреволюционные преступления”, и уже на 1 января 1939 г. были пересмотрены дела в отношении 1 175 998 человек, осужденных в 1936 – 1937 г. Установить точное количество таких лиц не представляется возможным. До 1942 г. данная категория осужденных в судебной статистике не учитывалась. Исходя из анализа данных Верховного суда СССР, Военной коллегии Верховного суда СССР предполагаю, что за период 1937 – 1939 гг. эта цифра по СССР превышала миллион, а по БССР – составило не менее 90 тысяч человек¹⁵.

Волна массовых репрессий 1937 г. пошла на спад со второй половины 1938 г. Поступление дел о контрреволюционных преступлениях уменьшилось (в частности, по БССР в среднем на 30 - 40 %) после того, как НКВД СССР дал указание о приостановке массовых акций по изъятию “врагов народа”.

С сентября 1939 г. “работы” у органов НКВД Беларуси снова резко прибавилось. Потянулись на Восток эшелоны с депортированными жителями Западных областей республики. По подсчетам автора, в этом потоке только в Сибири оказалось более 60 тысяч белорусов, поляков, евреев, представителей других национальностей. С учетом граждан, репрессированных несудебными и судебными органами в административном порядке, эта цифра превышает 85 тыс. человек.

Политические репрессии вновь активно возобновились после окончания войны. В июне 1946 г. органы контрразведки “СМЕРШ” из армии и флота были

¹⁵ Кузнецов И.Н. Конвейер смерти. С. 145.

переданы в МГБ СССР, где на их базе образовывалось 3-е Главное управление и его органы на местах. В 1949 г. Совет Министров СССР принял постановления об организации в МГБ СССР 7-го Управления (организация и установка наружного наблюдения за лицами, разрабатывавшимися органами госбезопасности); о передаче Главного управления пограничных войск и Главного управления милиции из МВД СССР в МГБ СССР¹⁶.

Репрессии в конце 40 - начале 50-х г. носили, как нам представляется, иной характер. Анализируя деятельность органов государственной безопасности в послевоенный период, нельзя пройти и мимо того, что при Министерстве государственной безопасности СССР (в 1946 г. наркоматы были преобразованы в министерства) в сентябре 1946 г. было образовано *Особое совещание* – орган внесудебной расправы. Оно состояло из трех человек: председателя (им являлся нарком госбезопасности) и двух членов (заместители наркома госбезопасности)¹⁷.

В работе Особого совещания в обязательном порядке участвовал Генеральный прокурор СССР, имевший право вносить протест в Президиум Верховного Совета СССР на те или иные выносимые Совещанием по уголовным делам решения. Участие сторон (обвинителя и защитника) не допускалось. Постановления Особого совещания кассационному обжалованию не подлежали и приводились в исполнение немедленно.

Самым массовым видом советских репрессий послевоенного периода стало интернирование. Интернированию подверглось большинство советских граждан, задержанных в 1944 - 1945 г. органами контрразведки “СМЕРШ” Наркомата обороны СССР, а также внутренними войсками НКВД по охране тыла фронтов и органами НКВД и НКГБ Украинской, Белорусской и Литовской ССР на территории Польши в ее нынешних границах, в западных областях Беларуси, Украины и Литве. Некоторые из арестованных были сначала задержаны органами Министерства общественной безопасности и милицией послушных Москве Польского комитета национального освобождения (ПКНО) и Временного правительства Польши, а затем переданы в руки “СМЕРШ”.

В конце войны в задачи “СМЕРШ” вошла также проверка многомиллионной “армии” советских граждан, возвращавшихся из плена. Английские и американские разведслужбы, стремясь скрупулезно выполнить свои обязательства перед союзником (об обязательном возвращении граждан в страну проживания), участвовали порой в варварских репатриациях. Многие из двух миллионов советских граждан, которых они, часто против воли этих людей, вернули на родину, просто сменили гитлеровские концлагеря на советские. Как завуалировано признавала даже советская официальная история, “СМЕРШ” “с недоверием” относился к более чем миллиону советских военнопленных, переживших ужасы немецких лагерей. Почти все рассматривались как дезертиры.

¹⁶ Коровин В.В. История отечественных органов безопасности. Москва, 1998. С. 58.

Следующим шагом "СМЕРШ" и НКВД в работе с пленными, после отбора и перевозки их домой, был прием репатриантов в СССР. Однако многие пленные расставались с жизнью, едва ступив на контролируемую советскими войсками землю.

В 1942 – 1943 г. были организованы первые проверочно-фильтрационные лагеря (или – спецлагеря), куда "СМЕРШ" направлял всех без исключения советских военнослужащих, бежавших из плена либо освобожденных Красной Армией. Они круглосуточно находились в исключительном распоряжении следователей "СМЕРШ", и после долгих месяцев проверки их направляли в лагеря по суду или во внесудебном порядке. Многих приговаривали к смертной казни "за измену Родине".

Проверка находящихся в специальных лагерях военнослужащих Красной Армии проводилась отделами контрразведки "СМЕРШ" НК СССР при спецлагерях Народного комиссариата внутренних дел Советского Союза.

Всего прошло через спецлагеря бывших военнослужащих Красной Армии, вышедших из окружения и освобожденных из плена, 354 592 человека, в том числе офицеров 50 441 человек¹⁸.

Проверочно-фильтрационные лагеря закрыли в 1947 г., после того как были профильтрованы миллионы советских военнопленных.

Бывший (бежавший на Запад) офицер "СМЕРШ", имевший доступ к документам этой организации, сообщил некоторые цифры: всего из ранее оккупированных районов в 1943-1947 г. было репатрировано около пяти с половиной миллиона русских. Из них: 20% – расстреляны или осуждены на 25 лет лагерей (что по сути дела равносильно смертному приговору); 15-20% – осуждены на пять-десять лет лагерей; 10% – высланы в отдаленные районы Сибири не менее чем на шесть лет; 15% – посланы на принудительные работы в Донбасс, Кузбасс и другие районы, разрушенные немцами. Вернуться домой им разрешалось лишь по истечении срока работ; 15-20% – разрешили вернуться в родные места, но им редко удавалось найти работу. Среди последних были очень часты случаи самоубийств.

Эти весьма приблизительные данные не дают при сложении 100%. Вероятно, недостающие 15-25% – это люди, "скрывшиеся" уже в СССР, умершие в дороге или сбежавшие из-под стражи¹⁹.

В августе 1944 г. войска НКВД активизировали действия против отрядов Армии Крайовой. Директива штаба войск НКВД по охране тыла 3 Белорусского фронта предусматривала не только уничтожение этих формирований вооруженным путем, но и создание агентуры, на которую возлагалась задача разложения подпольных отрядов изнутри. На агентурную сеть обращалось особое внимание, поскольку многие операции по ликвидации отрядов Армии Крайовой срывались именно из-за недостаточного знания обстановки.

¹⁷ Лубянка. ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ-МВД-КГБ. 1917-1960. Справочник. Москва, 1997. С. 39.

¹⁸ Телицын В.Л. "СМЕРШ": операции и исполнители. Смоленск, 2000. С. 314-315.

¹⁹ Там же. С. 320.

Активные действия формирований Армии Крайовой наблюдались в тот период прежде всего в Белостокском воеводстве. В ноябре против них была проведена крупномасштабная операция силами специально сформированной Белостокской оперативной группы войск НКВД, в состав которой вошли несколько полков пограничных и внутренних войск. Боевые действия против повстанческих отрядов велись в обстановке, когда население, как правило, поддерживало “аковцев”. В результате операции подполью был нанесен урон, и в середине декабря 1944 г. Белостокскую оперативную группу расформировали, а подчиненные ей части возвратили в свои соединения.

Группы АК действовали не только в пределах новых границ Польши, но и в Западной Беларуси. Успешно используя приобретенный в 1940-1944 г. опыт партизанской войны против немцев, они противодействовали мероприятиям по установлению советской власти в Брестской, Барановичской и Молодечненской областях. При этом нередко отряды АК осуществляли акты жестокого террора против населения непольской национальности.

В одном из выявленных документов НКВД утверждается, что “белопольские формирования <...> имеют целью произвести ряд террористических актов над представителями советской власти и совпартактива”. В начале февраля 1945 г. тремя полками незадолго до этого сформированной 58-й стрелковой дивизии ВВ НКВД были окружены и разгромлены отряды Геруса и Василевского, базировавшиеся в Козловщинском и Дятловском районах Барановичской области. В результате этой операции 34 участника этих отрядов были убиты, 109 – посажены в тюрьму²⁰.

Одновременно с боевыми операциями войск НКВД против подпольных лесных отрядов осуществлялись массовые аресты участников подполья в городах и селах.

9 мая 1945 г. крупный отряд АК совершил нападение на г.Граево Белостокского воеводства, разогнал городскую администрацию польского временного правительства, изъял все ценности из банка и, освободив из тюрьмы заключенных, скрылся.

Летом 1945 г. внутренние войска НКВД продолжали активные боевые действия против отрядов польского Сопротивления. Только части 64-й СД в этот период провели более 25 операций по их ликвидации, правда, не всегда успешных. Однако и руководство подполья понимало невозможность продолжения широкомасштабной партизанской деятельности – как из-за предельной усталости населения от войны и понесенных в предшествующие годы огромных людских потерь, так и из-за массированного террора со стороны войск НКВД и польских карательных органов.

В 1944 – 1946 г. в Беларуси ОУН-УПА-АК совершили по данным НКВД 2 384 диверсии и террористических акта, в результате которых погибли 1 032 человека²¹.

²⁰ РГВА. Ф. 38650, оп. 1, д. 160. С. 25-26.

Ответные меры НКВД были жесткими. За 1944-1946 г. в республике было проведено 4 596 операций, направленных против украинского, польского и белорусского подполья. При этом только в 1946 г. было убито 3 766 человек и арестовано 19 050 человек.

С 15 января по 20 февраля 1945 г. в Брестской и Пинской областях проводилась т.н. чекистско-войсковая операция “*по ликвидации контрреволюционного повстанческого подполья, бандгрупп местного формирования, а также ликвидации банд УПА*”. Было окружено 839 населенных пунктов, обыскано 48 799 дворов, проверено 165 137 человек, прочесано 12 тыс. кв.км. лесов и болот.

В результате было разгромлено 33 вооруженных групп и отрядов. Убито 98 и арестовано 3 808 человек, 55 человек – сдались в плен²².

Активное участие в проведении карательных акций принимали части внутренних войск. На 1 января 1946 г. штаб 226 полка дислоцировался в г.Минске, остальные подразделения в г.Глубокое, г.Бобруйске и Бобруйском районе, г.Дзержинске. К 1947 г. дислокация полка значительно расширилась: в Минске выполняло службу 8 взводов, Борисовском районе – 6, Гомельской области – 5, *Аі а?оёна* – 3, *І і аёааіаі ё* – 3, *Аёоаіаі ё* – 10, *І і ёі оёі ё* – 3, Гродненской – 1, Великих Луках – 3. Численность полка возросла с 1 300 до 2 300 человек²³.

Начиная с августа 1945 и по январь 1946 г. в Беларуси внутренние войска провели 2 580 боевых операций, в ходе которых было захвачено 1 800 пленных.

В борьбе с подпольем активно использовался 287 стрелковый полк НКВД. 18 июня 1946 г. полк был передан в состав 7 мотострелковой дивизии внутренних войск. Только за 1947 г. военнослужащими 287 стрелкового полка было захвачено и уничтожено 475 человек, изъято 503 единицы огнестрельного оружия²⁴.

В марте 1946 г. НКВД СССР было переименовано в МВД СССР. Соответственно изменились и названия подчиненных ему войсковых управлений.

В январе 1947 г. внутренние войска (части оперативного назначения) из состава МВД были переданы в подчинение МГБ СССР, а конвойные войска остались в подчинении МВД СССР.

6 апреля 1948 г. в состав МГБ СССР были переданы и специальные части, осуществлявшие охрану важных объектов государства, но в марте 1953 г. они снова вошли в состав МВД СССР.

Внутренние войска в этот период, как составная часть МТБ СССР и его вооруженная сила, обеспечивали мероприятия органов советской разведки по ликвидации национального сопротивления, участвовали в акциях, проводимых органами государственной безопасности.

²¹ Ангусавецкія рухі на Беларусі: 1944-1956. Мінск, 1999. С. 56-57.

²² Старонкі ваеннай гісторыі Беларусі. Мінск, 1992. С. 180-182.

²³ История исправительно-трудовых учреждений Беларуси. Минск, 1999. С. 135-140.

²⁴ Сямашка Я.І. Армія Краёва на Беларусі. Мінск, 1994. С. 105-106.

В соответствии с этими задачами в 1950 – 1951 г. 26 полков внутренних войск МГБ СССР дислоцировались в Западных областях Украины, Беларуси и в Прибалтийских республиках.

Для борьбы с национальным сопротивлением, все еще действовавшим на территории республики, активно привлекался 287 стрелковый полк. Штаб полка и спецподразделения дислоцировались в г. Минске. Здесь и находилась и 9 рота, охранявшая правительственные объекты. 1 стрелковый батальон был в Пинске, 2-й – в Кобрине, 3-й – в Новогрудке.

По данным органов МГБ на 1 октября 1951 г. в западных областях Беларуси действовало тринадцать “банд”, совершивших восемь террористических актов.

Летом 1949 г. подразделения полка принимали участие в ликвидации отряда “Волка”, в сентябре 1951 г. участвовали в чекистско-войсковой карательной операции в “Большом Козьянском лесу” Видзевского района Полоцкой области, в ходе которой было захвачено тридцать два участника сопротивления, в феврале 1952 г. ликвидировали отряд “Сикоры” в урочище “Урбаны” в Пинской области²⁵.

Всего же личным составом полка в период с 1944 по 1954 г. было “ликвидировано” (убито, захвачено, задержано); шпионов – 40 чел., бандитов – 1 539 чел., прочих (воров, дезертиров и т.д.) – 37 461 чел.²⁶

Первая послевоенная операция по выселению проводилась с 2 июня по 2 августа 1951 г. За этот период в Иркутскую область было выселено 1 024 семей (около 4 000 человек), а имущество их было конфисковано.

В апреле 1952 г. было произведено второе массовое выселение “врагов народа”, которое проводилось в соответствии с постановлением СМ БССР № 436 от 7 апреля 1952 г. В этот раз 1 065 семей общей численностью 5 000 человек по этапу были отправлены на спецпоселение²⁷.

Массовые репрессии на территории СССР и Беларуси в 20 ст. носили явно выраженный плановый характер и осуществлялись карательными органами под непосредственным руководством компартии в крайне жестокой и бесчеловечной форме в отношении ни в чем не повинных граждан. Они были противозаконными, противоречили основным гражданским и социально-экономическим правам человека, обернулись трагическими последствиями для десятков и сотен тысяч людей.

Пытанні да І.Кузняцова

Віктар Астрога (Менск): Ці можам мы падзяліць павяненныя рэпрэсіі 1944 – 1956 г. на больш дробныя перыяды?

Ігар Марзалюк (Магілёў): 1. Антыбальшавіцкі супраціў 20-х – 30-х гадоў на тэрыторыі савецкай Беларусі. Якая крыніцазнаўчая база была скарыстана, ці ска-

²⁵ РГВА. Ф. 3 8650, оп. 1, д. 158. С. 61-67.

²⁶ РГВА. Ф. 3 8650, оп. 1, д. 142. С. 56-57.

²⁷ РГВА. Ф. 3 2924, оп. 1, д. 20. С. 113-114.

рыстоўвалі Гомельскі, Віцебскі, Магілёўскі архівы? 2. Супраціў пасля вайны. Мяне цікавіць таксама тэрыторыя Усходняй Беларусі, таму што з аповедаў сваіх родзічаў я ведаю, што былі партызанскія атрады і ў Краснапольскім, і ў Чэрыкаўскім раёнах.

Захар Шыбека (Менск): Я хацеў бы пачуць Ваш каментар публікацый спісаў рэпрэсаваных у серыйным выданні “Памяць”, а таксама Ваш каментар падзеяў вакол Курапатаў і ўвогуле праблемы ўвекавечання месцаў масавых расстрэлаў.

Алесь Смалянчук (Гародня): Як Вы можаце патлумачыць феномен масавага супраціву беларусаў пасля вайны і сённяшняю боязь адстойваць свае правы?

Якаў Басін (Менск): Существует ли какая-нибудь классификация по политической мотивации репрессий?

Адказы І.Кузняцова

Адказ В.Астросе: Можно выделить два условных этапа: вооружённый и невооружённый. По годам – 1944 – 1946, 1947 – 1949, 1950 – 1952. Последние очаги сопротивления были ликвидированы в 1952 г. Это пока условное деление. Оно требует уточнения по категориям, кто там оказался. Кадры сопротивления составлялись из Армии Краёвой, военнопленных, людей, прошедшие фильтрационные лагеря, которые по каким-то причинам не оказались в местах заключения, тех, кто не вышел из наших партизан и остался в лесах, бывших репрессированных, родственников репрессированных, молодёжных подпольных организаций – “Чайка” и др., и ещё так называемые категории парашютистов (Филистович и др.) Это только некоторые категории.

Я приведу ещё любопытные цифры. В 1944 – 1945 г. на территории Беларуси через проверочные, фильтрационные лагеря было пропущено свыше 350 тыс. человек, в том числе 50 тыс. офицеров. Ещё любопытная статистика: в 1943–44 и по 1947 г. из временно оккупированных территорий было репатрировано 5,5 миллионов человек, с территории Беларуси свыше одного миллиона. Из них 20% было расстреляно или осуждено на 25 лет лагерей, от 15 до 20% – получили от 5 до 10 лет лагерей, 10% – не менее 6 лет лагерей, 15% было отправлено на принудительные работы, только 15–20% прошли фильтрационные лагеря и вернулись по месту жительства. Это и жители Беларуси и те, кто попал в фильтрационные лагеря даже с территории Польши, Литвы, Украины. Это общая цифра, и она ещё требует уточнения.

Адказ І.Марзалюку: 1. Соответствующие архивы сегодня для исследователей закрыты. В Могилёве та же картина. Архив КГБ глухо закрыт, даже отдельные дела не разрешают смотреть. По госархиву такая же картина, как по Минску, поэтому для того мы здесь и собираемся, чтобы установить какие-то контакты.

2. Мы тут уже обменивались мнениями по очагам сопротивления. Даже те районы, которые я указал на карте, оказывается, надо расширить. Например, в Краснопольске значительно шире было сопротивление. Мы эти уточнения будем вносить, поэтому, если у кого будет информация, просьба сообщать, и мы тогда сделаем более точные карты, и все смогут ими пользоваться, в том числе и в регионах.

Адказ З. Шыбеку: 1. Планировалось выпустить более 150 книг в серии "Память". На сегодняшний день вышло где-то порядка 80 – 90, то есть выпущено более половины книг. По поводу списков репрессированных. В 1998 г. на имя председателя госкомитета по печати, в администрацию президента, ещё в две инстанции было направлено письмо (я называю это доносом) по поводу деятельности центра хроник "Память". Результат был ясен. Алеся Петрашкевича сместили. Обвинения из этого доноса: принижается роль Октябрьской революции, центр хроник памяти не отражает успехи социалистического строительства и публикует списки врагов народа. В книге публиковались только списки реабилитированных, списки эти получались из комитета госбезопасности, из той базы, которая расформирована в комитете по архивам. Списки далеко неполные. То, что есть в книгах "Памяти" это 5 – 10% от реальности. В последние два-три года поступило негласное указание списки репрессированных не включать, никаких очерков о репрессиях быть не должно, и о людях, которые были репрессированы, желательно тоже не писать. Это возврат к советским традициям.

2. Два дня назад было очередное заседание инициативы "Уратаванне Курапат", скажу вам, картина очень печальная. Вы все в курсе этих событий, которые развернулись последние полтора месяца в связи со строительством минской кольцевой дороги. Я вынужден был пойти на такой шаг, как заявление о том, что больше не буду принимать участие в заседании инициативы. Почему? В последнее время в течении полутора месяцев появилось пять организаций, которые стали приватизировать Куропаты: "За ўратаванне Курапатаў", "Моладзь за ўратаванне Курапат", "Хрысціянская саюз ці партыя (точно не помню) за Курапаты", общественная организация Корзуна "За Куропаты", короче говоря, пять организаций. Сейчас дошло до того, што "Моладзь за ўратаванне Курапат" и инициатива "За ўратаванне Курапатаў" одновременно проводят два конкурса проектов мемориала. Было предложение вообще приватизировать эту территорию и использовать её. Редактор газеты "Рабочы" Ивашкевич высказал такую мысль: "Мы от власти берём, приватизируем её, потом будем зарабатывать на проведение экскурсий, будем брать гранты и строить мемориал". Предложений много, а переговоры с властью полностью в тупике.

На моей карте нанесено 48 населённых пунктов, где проводились массовые расстрелы. В общей сложности на сегодняшний день я установил на территории Беларуси свыше 80 местрасстрелов. В Могилёве – два, в Минске – двенадцать, в Гомеле – три или четыре места и т.д. Проблема требует изучения, я думаю, на местах должны помочь.

Адказ А. Смаленчуку: Как это ни странно будет звучать, синдром 1937 г. не действовал в 30-е г., а действует сейчас. Объясняется очень просто: тогда никто не знал о масштабах репрессий. А сейчас люди уже знают об этом и боятся. И сами репрессированные – это та категория, которая больше всего молчит. У нас теперь

две организации репрессированных. Как ни приходишь, говорят: “Вы нас не трогайте”. Спрашиваю их: “Ну кто кроме Вас может сказать слово в защиту Куропат?” Никто ничего не сказал, ни одна организация. То есть речь идёт о том, что все люди грамотные, все видят историческую проблему и никто не хочет повторения этого. После войны сопротивление было, в 50-е годы редко, но было, потом – затишье, а сейчас – полная тишина. Я не думаю, что следует ожидать, что в ближайшее время что-то произойдёт. Наоборот, та часть интеллигенции, которая занимала активную позицию, сейчас после выборов тоже ушла в “подполье”. И поэтому, боюсь, что эта тенденция будет продолжаться дальше.

Адказ Я.Басіну: Классификация репрессий по политическим мотивам – пожалуй, одна из самых сложных проблем. Я начинал своё выступление с того, что мы не дали чёткую классификацию понятия “политические репрессии”. Так вот, классификацию можно дать юридическую и морально-нравственную. Юридическая классификация тоже распадается на несколько направлений. Эта ст. 63 - 74 Уголовного Кодекса Беларуси и ст. 58 Российской Федерации. Там три направления, назову их по численности потерпевших. Первое место – антисоветская агитация, пропаганда, на втором месте – участие в контрреволюционных организациях, и третье место, никто даже не подумает – это статья Уголовного Кодекса России 58, 14-й пункт – недонесение. И, кстати именно оттуда тезис Залесского о том, что репрессированные и их родственники сами должны винить себя, потому что несвоевременно информировали органы.

Но не надо забывать, что ряд осуждённых проходит по 2-3 статьям: 63 (политическая), а потом пошли статьи “неуплата сельхоз налога”, закон от 7 августа 1932 г. о защите социалистической собственности (“о семи колосках”). Осужденные по этим статьям не подлежат реабилитации. Человека реабилитируют по политической статье, остаётся экономическая статья и в КГБ считается, что он не реабилитирован. Вот этакухня существует на сегодняшний день. Поэтому никто не считал, сколько осуждено по закону 1932 г., сколько привлечено к уголовной ответственности за неуплату сельхозналога и др. И ещё была такая графа – служебные преступления (ст. 193, пункт 17 Уголовного Кодекса России, аналогично и Беларуси). Значительная часть осужденных по политическим мотивам подведена под экономические и другие общеуголовные преступления. Поэтому полностью эту картину мы не можем восстановить ввиду отсутствия источниковой базы.

Кстати, во время войны в партизанском движении действовали особые отделы, оперуполномоченные, мало того, так они идо подполья доходили ещё. Никто эту тему не может сегодня исследовать, потому что не пускают работать в архивах.